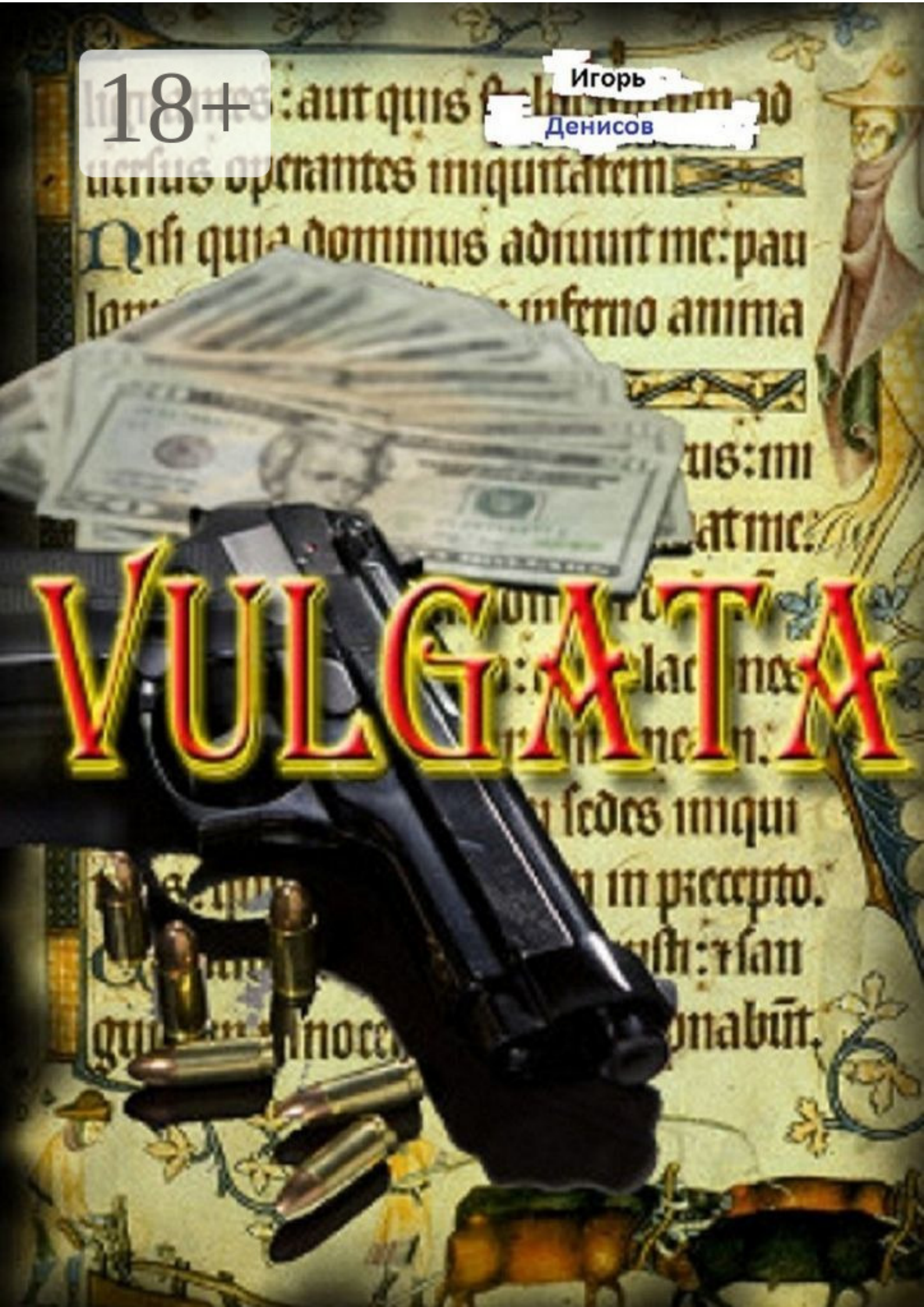

18+

Игорь

Денисов

VULGATA

Игорь Денисов

VULGATA

«Издательские решения»

Денисов И.

VULGATA / И. Денисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989561-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Даже любовь может обернуться таким кошмаром, что смерть покажется даром судьбы... Именно так случилось с юношей по имени Денис. Его девушку убили. Полиция считает, что убийство связано с преступной организацией VULGATA. Юноша решает выяснить тайну ее смерти, и на этом пути ему придется столкнуться с ТАКИМ кошмаром... Он узнает то, чего лучше не знать, и увидит то, чего лучше не видеть. А самое страшное — он узнает СЕБЯ. Постепенно его жизнь превратится в АД, полный боли, ужаса и угрызений совести... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-989561-5

© Денисов И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
VULGATA	9
А.	10
В.	11
С.	12
D.	13
Е.	17
F.	19
G.	23
H.	28
СПИСОК ЖЕРТВ МОДЕЛЬНОГО БИЗНЕСА	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

VULGATA

Игорь Денисов

© Игорь Денисов, 2020

ISBN 978-5-4498-9561-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Вы не понимаете. – Подследственный смотрит прямо в камеру. Взгляд его кажется равнодушным, но в глубине глаз появляются тревожные огоньки. – Мы выросли в ужасное время. В этом-то все и дело.

Пауза. Напряженную тишину нарушает только тихий гул аппаратуры, которая применялась для оперативной видеосъемки в две тысячи шестом году. Именно тогда была сделана запись, которую сейчас, девять лет спустя, изучает капитан полиции Николай Андреевич Спирин.

За кадром слышится его усталый голос:

– Что ты имеешь в виду, Саша? Объясни.

Подследственный целую минуту не издает ни звука. У него рыжие волосы, но на лице нет веснушек – напротив, оно поражает своей худобой и предсмертной бледностью.

Саше четырнадцать лет. Он устал.

Ему нужен наркотик.

Его сухие губы кривятся в презрительной усмешке.

– Да чего тут объяснять? Вы все равно не поймете. Вы все такие хорошие, правильные. На словах.

– Кто – «вы»?

– Взрослые. Совки. Вас красивые слова говорить научили. И от всего оберегали. Вы знали только то, что вам позволяли знать. – Саша снова шмыгнул носом. Начал быстро-быстро моргать. Тон голоса повысился. – Только, понимаете, это *вы* виноваты, что *мы* стали такими.

– Кто – «вы»? Лично я?

Подросток рассмеялся.

– Ваше поколение. Вы же просрали страну. А нам, вашим детям, теперь расхлебывать.

За кадром послышался раздраженный вздох.

– Саш, а зачем ты мне все это говоришь?

– Вы спросили, зачем я сделал... то, что сделал. – Подросток метнул быстрый взгляд в сторону. Потер лицо ладонью. Ему хотелось закрыть лицо обеими руками, но он не решался. – Я и объясняю. Никогда дети не росли в таких условиях, как мы. Понимаете? В стране хрен знает что творилось. Людей резали каждый день. Вы в детстве мультики смотрели. «Я на солнышке лежу», и все такое. А мы с пяти лет что видели? В новостях только трупы, заказные убийства, взрывы. В Чечне людям яйца резали. Вы «Чистилище» смотрели? Мы все смотрели, хоть нам шесть лет было. А потом во дворе обсуждали. И смеялись. Нам было весело. Приколно. Особенно девчонкам. Понимаете?

Мы были... сами по себе. Смотрели, что хотели, слушали, что хотели. В основном «Сектор Газа», конечно. Ну, там, рэп, блатняк. У меня отец очень блатняк любил. Да и матуша тоже. Я уж молчу про это дело. Вы знаете, когда я по телевизору в первый раз голые сиськи увидел? В три года! Знаете, что было? У меня встал. А предки мне еще десять лет про пестики и тычинки плели.

– Они о тебе заботились.

– Че-то хреново получилось. Да я уже всю порнуху пересмотрел, и про секс все знал. В третьем классе уже девчонок тискал. Поймите – мы никакие не дети. Никогда ими не были. Мы все – уроды. Настоящие уроды. Монстры. А наши дети будут еще хуже. Вы знаете, что они говорят? Чем занимаются? Не знаете. Вот и мои родители не знали. Теперь, конечно, завоют, да уже поздно.

Подросток заерзал на стуле. Глаза его забежали, в них появилась злость и нетерпение.

– Долго еще? Задолбало. Дозу дайте.

– Потерпи еще немножко. Скоро закончим. Саша, ты все это собираешься на суде рассказывать? Про детство, 90-е и остальное.

Подросток снова презрительно усмехнулся.

– Мозги не полоскай, начальник. Суда никакого не будет. Я ж малолетка.

За кадром снова послышался вздох.

– Ладно. Скажи все-таки, зачем ты ввязался в это дело? Ты хороший, умный парень. Из приличной семьи. Родители тебя любят.

Подследственный криво улыбнулся.

– Любят? *Кого?* Они ничего обо мне не знают. А ввязался я за бабло.

– Зачем тебе деньги? На героин?

– На героин. – Подросток выпрямился, глядя в камеру. Он гордился своей «взрослостью».

Николай Спиринов нажал кнопку паузы. Лента остановилась. На экране телевизора застыло ухмыляющееся лицо Саши. Он казался наглым и уверенным в себе, а глаза кричали: «Помогите!».

– Если бы я тогда заметил, – пробормотал капитан. Он сидел на кожаном диване в кабинете для оперативных совещаний. В забранное частой решеткой окно били лучи утреннего солнца. Двор, словно пожаром, был охвачен весной 2015-го года.

Съемка с допросом мальчика была сделана 22 декабря, девять лет назад.

Майор Кузнецов, сидевший за длинным столом, подпер рукой подбородок и задумчиво взглянул на Спирина.

– Что ты должен был заметить?

– Его глаза. – Спиринов указал пультом на экран. – Видите? Он все время спрашивал: «Понимаете? Понимаете? Вы меня понимаете?». Одиноким, запуганным подростком. А я тогда злился, что он так нагло держится и на контакт не идет. Только и думал, как бы дело побыстрее раскрыть.

Спиринов на секунду прикрыл глаза. На записи дальше видно, как Саша начинает дрожать всем телом. Потом он закричал, начал требовать дозу. Спиринов тогда пообещал вколоть ему наркотик, если подросток расколется и выдаст ему имена производителей видеокассет, которые Саша привез на родительской машине в заброшенный ангар на окраине Черногозера. Но Саша так и не расколется. Спиринов отправил его домой, а ночью парень повесился на простыне у себя в комнате.

– Сколько раз ты собираешься смотреть эту дерьмовую кассету? Десять? Сто? У тебя план стоит, все дела забросил.

Спиринов повернул голову. Посмотрел на майора. Но ничего не сказал.

«Они снова здесь появились», – подумал он, поворачиваясь к экрану устаревшего лампового телевизора, к которому был подключен видеомагнитофон (цифровой камеры у отделения в 2006-м еще не было). – «И теперь масштабы их деятельности намного серьезнее».

– Сейчас поймать производителей и заказчиков будет намного труднее, – сказал он вслух. – Тогда они ничего не боялись, а теперь ушли в подполье. И легализовались. Ищи их теперь, свищи.

– Лучше бы ты убийством старухи занимался.

Майор взял лежавшую на столе папку, раскрыл, начал раздраженно перелистывать сшитые степлером страницы.

– Дайте мне еще полгода.

– Месяц. Не больше. Весь отдел из-за тебя раком ставят.

– Два месяца. И «наружку».

– И прикрыть твою жопу? – Кузнецов закрыл папку и раздраженно отодвинул ее на край стола. – Даю тебе последний шанс. Через неделю положишь мне на стол оперативный план. Все, что потребуется сверх сметы, будешь оплачивать из своей зарплаты.

Майор оставил Спирина одного.

Улыбнувшись про себя, капитан нажал на пульте кнопку перемотки.

Стоп. Вот оно.

Он снова пустил запись.

Капитан Савицкий (два года назад он ушел из полиции в охранную фирму) тогда, в 2006-м, присел на корточки возле коробки с видеокассетами. Спирин услышал на пленке свой нетерпеливый голос:

– Давай лучше я.

Ему очень хотелось попасть на запись. Но Савицкий отмахнулся. Посмотрел в камеру.

– Леша, снимаешь? Производится изъятие материалов порнографического характера у несовершеннолетнего гражданина Александра Дмитриевича Кирсанова.

Крупный план. В кадре рука Савицкого. Рука ныряет в коробку, достает кассету. Оператор снимает крупным планом обложку и название, отпечатанное на пишущей машинке на полоске бумаги, приклеенной к торцу видеокассеты. Савицкий скучным голосом комментирует на камеру:

– Вещественное доказательство номер один. Видеокассета производства фирмы TDK. Все остальные идентичны. Всего шестьдесят три образца. Пишешь? Пленка высокого качества VHS. Продолжительность кассеты – один час, двадцать три минуты.

Савицкий положил кассету на пол, взял следующую.

– Вещдок номер два. TDK, VHS. Продолжительность один час, тридцать семь минут.

Третья кассета. Голос Савицкого:

– Вещдок номер три. Продолжительность два часа, три минуты.

Савицкий собирался отложить кассету, но Спирин вскрикнул:

– Стоп!

– Что?

– Видишь?

– Где?

– На задней стороне. Внизу. Слева.

Савицкий перевернул кассету, нахмурился.

– Да. Здесь какое-то слово, кажется, на латыни. – Он порылся в коробке свободной рукой. – И на остальных, судя по всему, тоже. Кажется, это название студии-производителя. Леша, сделай покрупнее.

Сейчас, девять лет спустя, Спирин напрягся. Наклонился вперед.

Сверхкрупный план. Внизу, на огненно-черной поверхности обложки видеокассеты, кровавыми буквами алело одно слово:

VULGATA

Спирин нажал на паузу. Бросил пульт на диван. Нахмурившись, посмотрел в окно.
«Вот чего мы тогда не поняли. Что означает это слово, зачем им пометили эти видеокас-
сеты, и – самое главное – зачем их производят *здесь?*»
Через минуту его взгляд стал отсутствующим.
Он просидел так очень долго.

А.

– Вау! Посмотри вон на ту!

Денис вздрогнул и посмотрел налево. Резкий визгливый возглас заставил его отвлечься от предвкушения встречи с Настей, от воспоминаний о ее искрящихся зеленых глазах и нежной улыбке.

В тот жаркий июльский день юноша с букетом в руках поджидал девушку на автобусной остановке. Возглас издал один из школьников, которые стояли чуть в стороне от остановки. Оба щуплые, клетчатые рубашки висят мешком, а черные джинсы обтягивают тонкие, как палки, выгнутые дугой ноги. Денис даже подумал с неприязнью, не страдают ли парни полиомиелитом. И у того, и у другого волосы выкрашены в иссиня-черный цвет, прически будто из японских комиксов – в стиле вокалиста группы «Bring Me The Horizon».

Замечание первого подростка относилось к молодой мамочке, которая катила коляску с младенцем по тротуару на противоположной стороне улицы. На мамочке было легкое белое платье на бретельках, весьма короткое. Если честно, настолько короткое, что из-под него выглядывали черные трусики-танго и нижние половинки ягодиц. Мамочка была в туфлях на шпильках, и, толкая коляску, давала походку «от бедра», будто вышагивала на подиуме в Каннах.

Второй подросток восхищенно выдохнул:

– Порнозвезда!

Дениса передернуло.

Это был высокий плечистый юноша с типично славянской внешностью: соломенного цвета волосы, ясные голубые глаза, сглаженные черты лица. Выделялся на этом невыразительном лице только твердый, волевой подбородок. В характере Дениса странным образом сочетались безволие и непоколебимая твердость.

Весной ему исполнилось восемнадцать лет. Он учился на юридическом факультете Новгородского Государственного университета.

Там он встретил Настю.

В.

История их знакомства была такая же, как и все юношеские знакомства, вопреки людской вере, что каждая любовь уникальна. Развитие их отношений легче всего представить в виде кадров кинохроники, как если бы их увидел сторонний наблюдатель.

Кадр первый. Денис сидит за партой в университетской аудитории. Настя сидит за партой в соседнем ряду. Он читает учебник по ТПП, она болтает с подружкой, украдкой бросая на юношу мимолетные взгляды.

Кадр второй. Настя встает и начинает так соблазнительно потягиваться, выгибая спину, что Денис поневоле отвлекается от учебника и смотрит на нее секунд пять.

Кадр третий. Девушка тут же строит равнодушное и презрительное лицо. Ее подружка хихикает. Денис смущенно отворачивается.

Кадр четвертый. Следующая неделя. Настя крутится возле Дениса, виляя бедрами и бросая в его сторону призывные взгляды. Он, уже успевший подзабыть о ней, смотрит в другую сторону.

Кадр пятый. Настя и Денис стоят в очереди к гардеробу. Настя, с надеждой глядя на Дениса, прижимается ягодицами к его руке. Он стоит как дерево.

Кадр шестой. Настя в кругу подружек поносит Дениса последними словами.

Кадр седьмой. Настя у себя в комнате плачет в подушку.

Кадр восьмой. Денис ловит Настю на выходе из университета и предлагает проводить до остановки. Настя от неожиданности соглашается.

Кадр девятый. Идут до остановки. Ведут ужасно натянутый разговор.

Кадр десятый. Денис звонит Насте и приглашает в кино. Попадает на день месячных. Настя высмеивает его и говорит гадости.

Кадр одиннадцатый. Неделю спустя. Денис и Настя ходят по коридорам университета рука об руку. Их лица светятся счастьем. Они целуются у всех на виду.

Кадр двенадцатый. Первый поцелуй в парке.

Кадр тринадцатый. Первая ночь. Неумелые ласки.

Кадр четырнадцатый. Денис спускает в унитаз презерватив, полный спермы.

Кадр пятнадцатый. Что-то еще.

С.

Их отношения длились бесконечно долго. Целых четыре месяца. На второй неделе пару уже начали спрашивать с плохо скрываемой иронией: «Вы, случайно, не *жениться* собрались?».

Когда один из худосочных подростков отпустил свое циничное замечание о женской красоте, Денис как раз мечтал о том, как они с Настей поженятся. Ему представлялся тихий, уютный брак, полный гармонии и нежности, глубокая духовная связь с возлюбленной. Представлял он себе и страстные ночи с бурными признаниями в любви. Каждое движение будет наполнено заботой об удовольствии партнера, и взаимные чувства превратят некрасивый физиологический акт в нечто, исполненное священного смысла.

Главным лейтмотивом этого брака будет нежность, нежность и верность.

Денис достал из кармана джинсов планшет. Уже полчетвертого. Любимая, однако, опаздывает. На целый час. Настя всегда опаздывала, но Денис не очень беспокоился по этому поводу. Он предпочитал думать, что причиной ее опозданий является желание как можно лучше нарядиться и накраситься для любимого, и ругать ее за это было бы свинством.

Но обычно девушка опаздывала всего на несколько минут. Ну, максимум на полчаса.

Денис начал мерить остановку шагами, то и дело вынимая телефон, чтобы взглянуть на часы. Пропустил два автобуса. Ему уже надоело все время поддерживать букет в вертикальном положении, и он опустил руку.

Подростки не садились ни на один из автобусов и, кажется, собрались поселиться на остановке. Усевшись на скамейку, они вертели головами по сторонам, провожая взглядом каждую проходившую мимо особь женского пола. Время от времени Денис слышал за спиной их взглясы:

– Вот это попка!

– Крутое порево!

Или:

– Фу, уродина!

– Хардкор! Жесть!

Через десять минут Денису уже показалось, что он находится в аду, а эти два недоумка – чудовища с картин Иеронима Босха, а может, Гойи. Их реплики оскорбляли его чувство прекрасного и сбивали романтический настрой.

Он позвонил Насте. На звонок она не ответила.

Юноша начал обзванивать общих знакомых, притворно-спокойным голосом спрашивая: «Не знаешь, где Настеньш?». Никто не знал. Ему давали номера ее подруг. Трое были недоступны («Какие барыни! – думал Денис. – Таскают по десять телефонов, и все отключены!»), одна валялась в постели с похмелья и ничего не соображала, пятая предложила Денису «заскочить к ней на пять минут».

Поколебавшись, он дождался автобуса и поехал к родителям Насти.

Девушка пару раз приводила любимого домой, и ее родители встретили Дениса хлебом-солью, но юноша чувствовал, что это была холодная вежливость. Они еще не определились, как к нему относиться.

Д.

Дверь квартиры ему открыла мать Насти. Людмила была из тех симпатичных, милых женщин, которые одинаково хорошо смотрятся и в платье от Коко Шанель, и в домашнем халате. Не будучи особой, чья душа все время «требует безумств», она прожила двенадцать лет в счастливом браке с Вадимом Хрусталевым. Людмила родила ему троих детей. Настя была ее дочерью от первого брака.

Хрусталевы обедали на светлой, просторной кухне. Над круглым столом, накрытым ослепительно белой скатертью, к потолку была прикручена металлическая решетка, с ее прутьев свисали гроздья белого и красного лука. Слева от стола на стене висел плакат с изображением ложки и надписью: BE THE TYPE OF PERSON YOU WANT TO MEET.

Отец семейства встал из-за стола и пожал Денису руку. Вадим был приземистым, круглолицым мужчиной, чье лицо неизменно светилось добродушием. Насколько Денис знал, в конфликтных ситуациях такие люди склонны к проявлениям гнева. Вадим работал редактором на городском телевидении.

Юноша поздоровался с Женей, младшеньким Хрусталевых, и сел за стол. Женя, как всегда, посмотрел на гостя с выражением беззастенчивого любопытства. Мальчик был точной копией отца, но с подбородком матери.

– А где ваши девочки? – с легкой улыбкой спросил Денис.

– У бабушки. – Людмила поставила перед ним на стол чашку чая и вазочку с овсяным печеньем.

Денис вздохнул с облегчением. Обе младшие дочери Хрусталевых его смущали. Пятилетняя Диана постоянно плакала и на что-нибудь жаловалась. Очевидно, ее баловали. Из нее обещала вырасти недурная манипуляторша. Иногда она бродила по квартире в маминых туфлях, и каблук при этом ужасно громко стучали по паркету.

Тане в апреле стукнуло одиннадцать, она только-только начинала оформляться, но одевалась уже как взрослая женщина. Носила топики, открывающие пупок, и чуть не прозрачные лосины. Девочка уже освоила походку от бедра и томные взгляды, а также некоторые другие приемчики, но применяла их еще очень неуклюже. Она вызывала у Дениса смешанные чувства. Он поневоле реагировал на нее, как на женщину, но в то же время ясно осознавал, что она всего лишь невинный ребенок, нахватавшийся из Интернета пошлостей.

Людмила села за стол.

– А цветы для кого? Для Насти?

– Не знаю, – вздохнул он. Положил букет на колени и взял чашку. – Теперь, боюсь, придется отдать их вам. Настя не пришла на встречу.

Последнюю реплику Людмила проигнорировала.

– Лучше Тане их подари. Дедушка ее через час привезет. Будешь ее первым кавалером.

Он поднял глаза и встретил ироничный, будто на что-то намекающий взгляд Людмилы. Она подмигнула. На губах ее играла загадочная улыбка.

Людмила повернулась к мужу, закрывшемуся от жестокого мира газетой.

– Хрусталев, отвлекись на минуту, чего расскажу.

– Ну? – Вадим сложил газету и положил ее на стол. Сцепил руки на животе. – Давай, повесели нас.

Он подмигнул Денису. Тот отвел глаза. Что случилось с людьми? Сегодня Всемирный День Подмигиваний?

Людмила обеими руками взяла чашку. Прихлебывая чай, со смехом рассказала:

– Таню одноклассник пригласил на день рождения. Леша Григорьев, помнишь?

– Никого я не помню. – Вадим взял из вазы печенье. – Это ты у нас на родительские собрания все время ходишь.

– Ну, что ты, кругленький такой, хорошенький мальчик. Таня его спросила, что ему подарить на день рождения. Леша ответил: «Поцелуй». А Таня носик вздернула, и ответила: «Ха! И всего-то?».

– Молодец, девка! – расхохотался Вадим. Вслед за ним рассмеялся и сын. Денис смотрел на них с застывшей улыбкой.

«На твоём месте, Леша, я заказал бы Танечке *французский* поцелуй. Уверен, она бы тебя уважила».

– «Наша Таня громко плачет, – процитировал Вадим, добавляя себе в чай варенье. – Уронила Таня мячик». Женя, ешь аккуратнее. Не чавкай.

– И что дальше? – спросил Денис, явно чувствуя, что Людмила этого ожидает. – Чем закончилась эта забавная история?

– Таня подарила имениннику поцелуй. Правда, в щеку. Она прямо мне сказала: «Леша... как я его люблю! Даже хочется больно ему сделать».

– Даже так? Интересно.

– А вы знаете, какое сообщение Леша оставил ей в «Фейсбуке»? «Когда мы станем взрослыми, обязательно займемся сексом». Ой, я так смеялась! А Таня ему лайк поставила.

– Они такие милые, эти дети, – сказал Денис.

Вадим смеялся с чуть меньшим энтузиазмом – сообразил, что Леша уже наверняка облапал его дочь от «А» до «Я».

– Послушайте. – Денис прочистил горло. – Все это очень здорово, но вы, случайно, не в курсе, куда Настя пропала?

– У вас сегодня свидание? – спросила Людмила. – А Настя нам ничего не сказала. Хрусталева, она тебе ничего не говорила?

– Да мне-то зачем она будет говорить? – Вадим снова закрылся газетой. Денис снова подумал, что не нравится ему.

Людмила, слегка нахмурившись, тряхнула головой и повернулась к юноше.

– Может быть, ее снова в суд дернули? – Настя подрабатывала в районном суде курьером. – Какое-нибудь срочное поручение. Нет?

– Но почему она никому ничего не сказала? Не позвонила?

– Может, она вне зоны действия сети или что-то еще. Позже созвонитесь. Слушай, а давай, ты ее здесь подождешь? К вечеру-то, наверное, объявится.

– Нет, спасибо.

Женя доел кашу и протянул тарелку Людмиле.

– Спасибо, мамочка, – сказал он. – Все было очень вкусно. Можно взять яблоко?

– Можно. – Людмила провела ладонью по непокорным вихрам сына. – Только тарелку оботри хорошенько. На, возьми кусочек хлебушка.

Женя улыбнулся матери – как показалось Денису, льстиво и неискренне. Зубы у мальчика были по-детски неровные, в верхней челюсти на месте зуба мудрости зияла некрасивая черная дыра, обнажавшая розовую, влажную десну.

«Прекрати», – одернул он себя.

Людмила повернулась к мужу. Немного ироничным тоном спросила:

– Хрусталева, ты про нас не забыл?

Денис, внутренне поморщившись (он *обожал* женщин, которые называют мужей по фамилии), посмотрел на Вадима. Точнее, на газету, за которой тот скрывался. Взгляд юноши наткнулся на набранный черным жирным шрифтом кричащий заголовок: **ПОХИЩЕНИЕ ДЕТЕЙ: ЧЕРНОЗЕРСКИЙ МАНЬЯК СНОВА ВЫШЕЛ НА ОХОТУ.**

Глава семьи опустил газету, окинул всех сидящих за столом насмешливо-сердитым взглядом, относящимся, очевидно, к тому, о чем он только что прочел в газете.

– Просто комедия! – сказал он жене. – Вот, послушай.

Вадим прочел вслух следующее:

– «В связи с экономическими санкциями, предъявленными российскому бизнесу ООН, и запретом на ввоз внутрь страны внушительного ассортимента мяса и морепродуктов, отечественные поставщики вынуждены искать альтернативные варианты. В частности, предлагается поставлять из Индонезии мясо крокодила. По словам потребителей, имевших счастье опробовать экзотический продукт, мясо нежное, калорийное и по вкусу напоминает курятину...".
Представляете?

Вадим отложил газету на край стола и взял чашку. Снова окинул домочадцев и гостя красноречивым взглядом, говорившим: «О, времена! О нравы!».

Людмила пожала плечами.

– И что?

– Ты понимаешь, как это будет выглядеть?

– Брось ты! – Людмила посмотрела на сына. – Женечка, подтирай аккуратнее. Вот так, молодец. Умничка ты мой!

Вадим посмотрел на жену, как медсестры смотрят на безнадежно больного пациента. Денис чувствовал, как накаляется атмосфера. Хрусталевы подбирались к теме, которая была для них камнем преткновения; к вопросу, в котором они не сходились во мнениях. Назревал спор, а может, ссора. Женечка сразу напрягся, быстро-быстро переводя взгляд испуганных глаз то на отца, то на мать.

– «Брось»! Как это на тебя похоже!

– Вадик... Давай не сейчас, ладно? У нас гость.

Вадим повернулся к Денису.

– Очень хорошо. Ты что думаешь, гость?

– Я не знаю. – Денис потер лоб. Ему не хотелось разговаривать.

– Представь: ты приходишь в магазин. А там на прилавке ценники: «свинина», «телятина»... «крокодилятина». – Вадим нервно хохотнул. – Позорище. Народ-освободитель! Победитель фашизма! Ради этого наши деды и прадеды били немца, чтобы мы теперь... Теперь наш человек в магазине будет говорить у кассы: «Девушка, свешайте мне, пожалуйста, двести грамм крокодилятины».

Все сидевшие за столом рассмеялись. Даже Денис невольно улыбнулся.

– Если так дальше пойдет, через год русские будут есть человечину! И больше всего меня бесит то, что Путин, – Вадим постучал пальцем по лежавшей на краю стола газете, – пытается выставить эту мерзкую ситуацию как «возрождение российской экономики». Первый только про это и талдычит с утра до вечера.

– Я что-то слышал про то, что Первый канал, типа, проплачен, – сказал Денис. – Там один официоз гонят.

– Видишь, даже ты со мной согласен. А Люда отрицает.

– Ну, вы прямо тут против меня объединились, – немного обиженным тоном протянула Людмила. Чувствовалось, впрочем, что она наигрывает. – Я ничего не отрицаю. Просто я хочу сказать: ну откуда нам знать, что в самом деле происходит? Женечка, вытер? Иди пока в свою комнату. Рано тебе еще такие разговоры слушать.

Мальчик послушно слез со стула и направился в свою комнату.

Вадим продолжал, как ни в чем не бывало:

– Они говорят, что санкции ООН, мол, благо. Но они молчат о том, почему их вообще ввели. Из-за того, что мы проморгали Украину, наших братьев, и вообще проиграли всю внеш-

нюю политику в Ближнем Зарубежье. Это прямой просчет руководства страны. Соловьев или кто-то другой – говорят об этом? Нет.

– Ой, давайте не будем, – взволнованно сказала Людмила. – Эта война... как ужасно. Я вчера после новостей весь вечер плакала. Опять жилой дом взорвали. Сколько еще матери там будут сыновей хоронить?

– Сколько? – Вадим усмехнулся, словно война на Украине была его личным поводом для гордости. – Да лет сто еще. Новая Столетняя война начинается.

Людмила с натянутой улыбкой обратилась к Денису:

– А ты, Денисушка, как?

– Что – «как»?

– Если Путин решит ввести войска на Украину – готов защищать Родину?

Юноша поморщился.

– Да не будет никакой войны. Мы ведь продаем им газ? Как Россия может воевать с Украиной, если у нас с ними бизнес?

– Все это пустая болтовня, – заявил Вадим. – В Киеве все решает Америка.

– Ой, а я на прошлой неделе читала, к нам в Чернозерск какой-то американец приехал, – оживленным тоном сообщила Людмила. – Толстенький, маленький. Такой, знаешь... *пончик*.

– Как раз во вкусе нашей дочурки. – Глава семьи рассмеялся. – Может, ему Таньку сосватаем? Ну ладно, и чем этот пончик промышляет?

– Журналист. От какого-то университета американского. Писали, будет изучать нашу культуру.

– Здесь-то? – усмехнулся Вадим. – Много он тут наизучает! А насчет крокодилов...

Денис, кашлянув, поднялся из-за стола.

– Спасибо, все было очень вкусно. Мне пора идти. Извините.

Людмила пошла с ним в прихожую. Открыла входную дверь. Хрусталевы поставили стальную. Думали, она защищает от грабителей. Денис знал: стальная дверь, напротив, указывает, что в квартире есть что грабить. А замок грабители все равно вскроют. Или придут под видом сантехников, и Людмила сама впустит их в квартиру.

Вадим на кухне все не унимался:

– «Крокодилов жрать будем – и державу подыдем!». Так еще Петр Первый говорил!

Денис уже переступил порог, когда женщина спохватилась:

– Ой! А цветы-то! Забыл?

– Да бог с ними... Некогда... Тане отдайте... – пробормотал Денис, выходя на лестничную клетку.

Он вышел из подъезда и достал сигареты. Его руки дрожали.

Юноша закурил, сердясь на себя за свое глупое поведение. Не слишком умно в такой спешке покидать квартиру родителей своей девушки. А еще его испугало то, что он прощался так сбивчиво и невнятно.

«Почему, черт побери, я так нервничаю?» – подумал он.

Е.

Чернозерск представлял собой провинциальное кладбище с горбатыми тесными улочками, по обеим сторонам которых жались друг к другу деревянные домишки с палисадниками. В последнее время окраину застроили двухэтажными коттеджами, в центре города воздвигся трехэтажный гипермаркет «Магнит». Жизнь текла так спокойно и ровно, что порой могло показаться, будто время здесь вообще не движется.

Денис снимал жилье в пятиэтажном доме на расстоянии одной автобусной остановки от «Магнита». Сам он был новгородец, но на лето переехал в Чернозерск, чтобы чаще бывать с Настей.

Дома он принял душ и лег на диван, обессиленный переживаниями и тревогой. Проснулся в четыре утра. Уже рассвело. Бледное солнце бросало в окно снопы белесых лучей, которые, казалось, не разогнали ночную тьму, а превратили ее в застывшую над городом молочно-белую кашу.

До девяти утра юноша маялся, бродил по квартире. То включал, то выключал телевизор. Потом позвонил Хрусталевым. Настя не появлялась. Людмила сообщила об этом ровным тоном.

– Почему вы так спокойны? – спросил Денис.

– Насте уже приходилось ночевать вне дома. Может, встретила подругу и поехала к ней на квартиру. Она взрослый человек, и я не считаю нужным доставать ее своим нытьем. Я всегда старалась, чтобы моя дочь росла самостоятельным человеком и не боялась жизни. Какой смысл контролировать каждый ее шаг?

«А то, что она не пришла на свидание? Это что, в порядке вещей?».

– Вы правы, – признал Денис. – Но она могла хотя бы позвонить. Не мне, так хоть вам.

– Слушай, Денис, а ты всегда маме сообщаем, куда идешь, где ты?

– Нет, конечно.

– Вот видишь. Почему Настя должна вести себя по-другому? Вы в этом возрасте все такие. И я такая же была. Захочет – позвонит.

– Вообще-то, Настя для меня кое-что значит, если вы не заметили. По-вашему, я должен быть спокоен, когда она пропадает неизвестно где?

– Если любишь – доверяй ей. Может, она специально пропала. Может, она хочет проверить твои чувства.

«Хороша проверка!».

– Ладно. Надеюсь, так и есть.

Людмила снова дала ему обещание позвонить, если Настя объявится.

До полудня Денис смотрел на ноутбуке «Игру Престолов». Поджарил себе яичницу с ветчиной. Поел без аппетита. Потом прогулялся по городу. Юноша раздумывал, как себя вести, когда Настя вернется. Высказать ей в лицо все, что он думает о ее поведении, потребовать объяснений? Или проявить немислимое великодушие и не сказать ни слова?

И самое главное, что смущало Дениса больше всего – исчезновение без предупреждения. Настя не могла так поступить. Это на нее не похоже. Он всегда знал ее как чуткого и обязательного человека, способного думать о других, а не только о себе.

Два раза молодой человек чуть не попал под машину, когда переходил дорогу.

Гулял Денис около двух часов, и мысль его прояснилась, мышцы налились бодростью, на душе стало легче. Может быть, Людмила права. Если он по-настоящему любит Настю, то не должен подозревать ее в обмане. И потом, ее нет всего лишь сутки. Может, она действительно встретила кого-то из друзей, и ее уговорили поехать на вечеринку. Настя такая деликатная и податливая. Там перебрала, и до сих пор спит беспробудным сном... скажем,

в ванне. Потом ее разбудят, окатив холодной водой из душа, и она вскочит, визжа и отмахиваясь руками. А друзья и подруги будут хохотать. Может, даже заснимут ее на мобильник.

Вернувшись, Денис обошел свою квартиру. Настя была здесь несколько раз. Вот в этом кресле в гостиной она сидела утром, одетая лишь в его рубашку, подогнув под себя одну ногу. Он сам сидел на диване, завернутый в простыню, как в римскую тогу, пил приготовленный ею кофе. Настя не доложила сахара, но он сказал, что кофе замечательный, хотя про себя и морщился от горечи. Они болтали о разной ерунде, потом начали спорить из-за «Пятидесяти оттенков серого». Денис доказывал, что это ересь, и в реальности никаких Кристианов Греев не существует. Настя убеждала, что это прекрасная книга и настоящая литература. Потом они оба встали, чтобы идти одеваться, и Настя упала, потому что отсидела ногу.

Вечером Денису начали называть друзья из Новгорода. Все его ждали. «Чего ты там один киснешь?». Денис отнекивался, но в конце концов было решено, что за ним приедут на машине и силком приволокут на квартиру к Диме Котову, его лучшему другу, с которым они были знакомы еще со школы.

Дружба их всегда выглядела странной в глазах окружающих, особенно в глазах родителей Дениса. Дима не вызывал их доверия. Они не уставали повторять Денису, что между ним и Димой нет ничего общего, и это было правдой. Более непохожих людей трудно было представить. Дима любил вечеринки, всегда и везде был душой компании, чему весьма способствовала его склонность баловаться легкими наркотиками. Но домашнего Дениса, предпочитавшего вечерами сидеть дома с девушкой и смотреть фильмы, восхищало в друге вовсе не это.

Друг имел все качества, которых у Дениса не было. Дима всегда все делал быстро и с умом, везде успевал. Он знал все последние новости, все свежие сплетни, все новинки моды и компьютерных технологий. Никогда не смущался и не раздражался, ничему не предавал значения; со всеми был одинаково обходителен и всех открыто презирал. И умел выражать свое презрение так, что в ответ ему все выказывали уважение. В целом свете, казалось, не было человека, которого Дима не смог бы обаять; проблемы, которой он не смог бы решить быстро и эффективно.

За годы их дружбы Денис не раз спрашивал себя, почему Дима с таким уважением относится к нему. Однажды друг, будто прочитав его мысли, усмехнулся, и с оттенком печального цинизма в голосе сказал:

– Лучший мой друг – это ты. Не то что эти. – Он махнул рукой куда-то в сторону, имея в виду всех остальных друзей, и своих многочисленных девушек. – Ты классный, а это все так...

Юноша почувствовал себя дурачки польщенным, но после этого признания их дружба стала еще крепче.

Однако, сейчас, метаясь по своей квартире, как раненный зверь в клетке, он с изумлением обнаружил, что ему не хочется сейчас видеть Котова. Впрочем, неудивительно: он никогда не рассказывал другу о своих отношениях с Настей. По простой причине: друг попросту бы его не понял.

Но Денис решил поехать, несмотря ни на что, даже на свою нелюбовь к вечеринкам. Ему сейчас нельзя оставаться одному в пустой квартире, наедине с тревогой и дурными мыслями, которые даже Людмиле кажутся глупыми.

Ф.

Дима прикатил на черном «Фольксвагене». На заднем окне наклейка: голая девица, выгнула спину, груди выставляются вперед. Вместо сосков у нее две звездочки. Слева от нее надпись:

Bitty Boom!

Из салона на улицу рвалась музыка, якобы в стиле хип-хоп, но никакого отношения к этому жанру не имеющая. Поскольку настоящие MC, родившиеся в трущобах и прошедшие жестокую школу улицы, презирают песенки о сексе и вечеринках, которые бормочут под монотонный кач изнеженные сынки чиновников и бизнесменов.

Я нормальный парень,
Трахаюсь без передыху.
Эй, давай со мной, братан,
Машка, Наташка и Дашка,
Они на улице уже нас ждут.
Иди сюда, детка, я тобой не брезгую,
Мне реально по*уй, где и с кем.
Хэй! Хэй! Хэй! Хэй!

– Привет, – небрежно бросил Дима, вылезая из салона. – Как жизнь?

– Только держись, – ответил Денис. Он стоял у подъезда в голубых, искусственно обесцвеченных джинсах и лимонно-желтой майке с надписью Spirit на груди.

Дима и Денис стукнулись кулаками, потом обнялись, похлопывая друг друга по спине. В эту минуту оба – белые парни из хороших семей – копировали поведение чернокожих дилеров из Гарлема, и этот факт, несомненно, являлся величайшим достижением как дилеров, так и Гарлема.

– Как тебе Вика? Зацени.

Из салона вылезла раздетая в шорты и топик брюнетка. На руках она держала маленького котенка. Девушка улыбнулась Денису. Два передних зуба были чуть крупнее остальных.

Дима прижал ее к себе, потом начал вертеть ее так и эдак, демонстрируя Денису во всех ракурсах.

– Круто? А? У тебя такой нет!

Вика, как понял Денис, была хорошей девушкой, – то есть девушкой, скрывающей свое высокомерное отношение к окружающим. За два часа пути до Новгорода она не проронила ни слова.

Дима, как обычно, угостил Дениса последними новостями и забавными историями их жизни ночных клубов.

Минут через двадцать он оборвал себя на полуслове. Слегка нахмурившись, еще минут пять молча следил за дорогой. Темнеть еще не темнело, но солнце уже скрылось за сплошной стеной хвойного леса; один за другим зажигались уличные фонари; небо над горизонтом пылало багровым костром.

Дима повернулся к Денису и одарил друга внимательным, серьезным взглядом.

– Что?

– На тебе лица нет. Давай, колись. Что стряслось?

Поколебавшись, Денис рассказал о Насте и поделился своими тревогами по поводу ее внезапного исчезновения. Он, впрочем, старался в присутствии друга казаться равнодушнее, чем был на самом деле.

Внимательно выслушав, Дима кивнул.

– Можешь не париться. Со мной тоже такое случается... время от времени. А тебе мы сейчас поможем.

Он обернулся и сказал сидящей на заднем сиденье девушке:

– Викуль, у тебя там на полу между сиденьями должна быть упаковка пива.

Девушка без лишних слов нагнулась, поводила рукой под сиденьем. Нашупав там упаковку, сунула в нее руку – послышался сухой треск раздвигаемого пальцами пластика. Вика выпрямилась с синей банкой «Балтики» в руке. Чтобы открыть банку, ей пришлось выпустить котенка – он тут же спрыгнул с колен хозяйки и принялся волчком крутиться на сиденье, гоняясь за собственным хвостом.

Вика открыла банку. Послышалось шипение. Девушка передала банку Денису. Тот кивком поблагодарил ее.

Опустошив банку, он с удивлением обнаружил, что Дима прав: ситуация с Настей теперь воспринималась им немного легче. Хотя до конца юноша не успокоился.

Квартира Димы была размером с целое королевство, и казалось, там собралось чуть не пол-Новгорода. Работал домашний кинотеатр, на огромном экране крутились музыкальные клипы из европейского хит-парада. Денис встретил нескольких одноклассников, но больше никого не знал. В зале танцевали, в спальне смотрели по телевизору «StarПерцев-2», в ванной и туалете занимались сексом. Денис выпил две бутылки пива, и почувствовал себя более-менее уютно. Его точила смутная тревога, но он не мог вспомнить, по какой причине. На кухне девица в красном платье, скрывающем недостатки ее фигуры, повисла у него на шее и предложила *bitty boom!* Юноша ответил, что у него есть девушка. «Дурной, что ли?» – выпалила девица и удалилась. Денис бродил по комнатам, пытаясь сосчитать их, но у него ничего не вышло. Парень в джинсах с ширинкой до колен и черной майке поймал его в коридоре и предложил «спайс». Денис покачал головой. Пробыв здесь полчаса, он совершенно потерял из вида Диму. Несколько раз ему казалось, что среди танцующих, курящих, пьющих, балдеющих он видит Настю. Девушки почему-то смотрели на юношу с загадочными улыбками на губах. Они переглядывались с лукавым видом. Причина этих переглядываний была та, что девица в красном уже обошла всех с сообщением, что среди них появился романтик. В ее устах это слово звучало как ругательство, и означало «импотент». Из спальни, проникая во все уголки квартиры, доносилась композиция, исполненная в старом добром стиле псевдо-хип-хопа: «Мне нужен СЕКС, ТОЛЬКО секс, БЫСТРЫЙ секс, ЖЕСТКИЙ секс!». Возбужденные девушки начали запрыгивать на столы и диваны, сбрасывая с себя одежду. Они целовались взапас и трясли друг перед другом формами, хвастаясь размерами и нежной упругостью юной плоти. Через шум, создаваемый грохотом басов, смехом и девичьим визгом, до слуха Дениса доносились отдельные реплики.

– Слов не говорит, цветов не дарит. Пора бросать пацана!

– Я когда кончаю, целю всегда в глаз. И вечно, мля, не туда попадаю.

– Лен, прикинь, мне в первый раз в жизни выпал шанс прокатиться на мотоцикле с крутым парнем. И вышла полная херня!

– Жора? Это у которого волосатая попа?

«Если Настя действительно где-то зависла, – подумал Денис. – Надеюсь, там другая обстановка». В глубине души он знал, что другой обстановки на вечеринках не бывает.

Из толпы на него вдруг выпрыгнул Дима.

– Ну где ты шляешься? Что ты, как школьник, прямо! – резко бросил он, раздраженный тем, что Денис до сих пор не изменил Насте с какой-нибудь «чикой». В компаниях друг всегда превращался для Дениса в чужого человека; в то время, как Денис всегда и при любых условиях оставался собой. Его потащили в одну из боковых комнат.

На диване сидели две незнакомые Денису девушки, Вика с котенком на коленях и свежим следом от пощечины на правой щеке, и два парня. Один был одноклассник Дениса и Димы. Денис стукнул кулаком об его кулак, далее пошли «обжимашки». Вторым (накачанный парень с лицом пьяного Джеймса Хэтфилда) ограничился старомодным рукопожатием. У него была волосатая лапища. Он представился Жорой. «Был вчера на „Флагмане“?». Денис покачал головой. Диван был полностью занят, и он сел на полу у ног Вики. Ему хотелось спросить, откуда у нее пощечина, но передумал. Пощечину ей дал Дима, потому что Вика отказалась лечь под Дениса. Денис ей не нравился. Дима тоже. Она была влюблена в своего котенка.

На ноутбуке крутилась американская комедия. За сюжетом никто не следил. По кругу шла бутылка виски. Девушки начали обсуждать «Пятьдесят оттенков серого», жалели, что им не довелось пережить «настоящей любви».

– Че за фигню мы смотрим? – Дима встал, выключил фильм и поставил другой диск.

– Мне скучно, – заявила одна из девиц. – Поехали в караоке!

– Езжай. – Дима вернулся на диван. На экране замелькали первые кадры порно. Несколько минут никто ничего не говорил. Потом девица, желавшая ехать в караоке-бар, покачала головой:

– Я б никогда так не смогла. Вот так, на всю страну...

– Не звезды, – ответил Дима.

Он встал, выключил свет и прикрыл дверь, чтобы заглушить доносящуюся из других комнат музыку, смех и шум голосов. Потом снова сел на диван рядом с Викой. Попытался обнять ее, но девушка от него отодвинулась.

Прошла еще минута.

– Прикольно булки трясутся, – сказал Жора, глядя на экран.

Денис рассеянно следил за сюжетом, не очень понимая, что там происходит. Он начал сильно пьянеть. Фильм был русского производства. Юноша пытался вспомнить, какая статья УК устанавливает наказание за производство и хранение подобной продукции. Все-таки некоторым здесь еще не исполнилось восемнадцати.

– Во, – Дима наклонился вперед. – Щас будет прикольный момент.

– Вау! – услышал Денис. – Крутая телка! Ваше жель!

Юноша посмотрел на экран.

Сначала он ничего не понял. Начал быстро-быстро моргать, чувствуя, что мгновенно трезвеет.

Все, кроме Вики, завопили и засвистели.

«Господи, – подумал Денис, выпрямляясь, – скажите мне, что я сплю».

На экране двое мускулистых парней в два ствола» имели... Настю.

«Нет. Это не она. Просто очень похожа».

Денис наклонился вперед и бессознательно сощурился.

Он был прав. Но только наполовину.

Внешне девушка на экране была точной копией его нежной, милой, скромной возлюбленной. Денис мог бы убеждать себя в случайном сходстве, если бы не заметил родинку на левом бедре, какая была у Насти. Он сам целовал ее много раз.

Но больше всего Дениса шокировало другое. Эта Настя не имела ничего общего с той, которую он знал. Она вела себя совершенно по-другому, и стонала так, как никогда не позволяла себе с ним. Совершенно чужой человек.

Денис встал и направился к выходу.

– Дима, ты куда? – послышался за его спиной удивленный и немного обиженный оклик Димы.

Он не ответил. Юноше хотелось побыстрее скрыться. Его сердце разрывали стыд, гнев, боль, отчаяние. Денису хотелось убить кого-нибудь, разнести к чертовой матери всю квартиру, а потом броситься вниз с балкона.

Он заперся в ванной. В ванне храпела полуголая девушка, зачем-то надевшая на голову мужские трусы (бойфренд приколотся), но Денис ее даже не заметил.

Юноша склонился над раковиной, и его вырвало. Прополоскав рот, он брызнул водой на лицо. Посмотрел на себя в зеркало. В его лице не было ни кровинки.

Ему хотелось поскорее вернуться к себе на квартиру, лечь в постель, уснуть и не проснуться. Но это значит, надо просить Диму, спорить, отвечать на вопросы. Нет, придется ночевать здесь. Нельзя, чтобы кто-то что-нибудь заподозрил. Да и глупо ехать в таком состоянии. Нужно где-нибудь прилечь. Все обдумать. Нет. Лучше завтра. Утро вечера мудренее. Просто лечь. Стоять или сидеть нет сил.

Все кровати, диваны и кресла были заняты. И на полу от храпящих тел яблоку негде упасть. Спали даже в туалете.

В туалете. В сцене, которая разбила ему сердце, Настя играла девушку, после вечеринки заснувшую на полу возле унитаза. Два парня вошли помочиться. Настина героиня, проснувшись, воспользовалась ситуацией и предложила свои услуги.

Денис прикорнул под боком у незнакомой парочки, лежавшей в обнимку под столом на кухне. Заснул на удивление быстро.

И перед сном представлял, как избивает любимую до полусмерти.

G.

– Дися, проснись!

Дениса почему-то объял ужас. Дима тряс его за плечо, и голос друга был полон тревоги и сочувствия.

Денис вскочил. Бледный Дима держал в руке его планшет.

– Извини, у тебя в кармане звонил, ты не просыпался. Короче, тебе какая-то баба звонила. Людмила, кажется.

– Что? – Денис всмотрелся в печальное лицо Димы. Ужас его нарастал.

– В общем, дурные новости, братан. Я не очень понял, в чем дело... твою девушку убили.

Денис безо всякого выражения смотрел на друга. Даже будь он Лоуренсом Оливье, не смог бы изобразить мимикой те чувства, которые вызвала в нем эта новость.

– Ты серьезно?

– Слушай, реально, по телефону сказали. Ее сегодня менты нашли. Уже в морг везут.

Денис вырвал у него из рук мобильник.

– Быстро заводи тачку и вези меня в Чернозерск.

– Да погоди ты... Давай сначала...

– Ничего не сначала. Едем. Или ты мне не друг.

К счастью, зимой Денис подрабатывал охранником в районной больнице, а значит, помогал медперсоналу, и знал, где находится мертвецкая.

Однако, знания его оказались бесполезными – здание криминального морга уже закрыли. Денис попросил довезти его до отделения полиции. Когда выходил из машины, Дима пожелал ему удачи.

Денис не ответил.

В кабинет его сначала не пустили. Пришлось ждать своей очереди.

По коридору ходили какие-то люди в штатском, очень веселые и оживленные. Из кабинета вышел коротко стриженный парень в форме с погонами младшего сержанта. Девушка в блузке со стразами, уже около часа ходившая по коридору отделения, бросилась ему на шею: «Славик, с днем рожденья!». Они обнялись, и Славик сделал совместное селфи. Девушка уговаривала его заснаться с табельным оружием. Во всем отделении царил атмосфера праздника, некоей расслабленности и утренней оживленности. Денис озирался вокруг с недоумением. Честно говоря, по фильмам и сериалам он представлял себе обстановку в здании полиции по-другому. Сотрудники должны всегда ходить в форме, при оружии, лица суровые и сосредоточенные. Может, сегодня какой-то особенный день? Например, за ночь не поступило никаких заявлений, потому-то все здесь такие беспечные. Да нет же, напомнил он себе: Настю-то убили.

Юноша встал, прошелся. Его внимание привлек настенный стенд, к которому прикрепили распечатки с фотороботами преступников. Никого из этих людей Денис не видел. Их лица поражали своей бездушностью и звериной жестокостью. Лица профессиональных боксеров к концу седьмого раунда. Под фотороботами висели снимки жертв преступлений. На одном из них был изображен отвратительно раздувшийся труп пожилой женщины. Ее ограбили, потом перерезали горло. Труп раздели и, открыв люк, сбросили в канализацию. Холодея, Денис прочел извещение о месте, где это произошло: улица Рахманинова, возле дома номер девять. Это был дом, в котором он снимал жилье. Ограбление с убийством было совершено два дня назад, в 21.35.

«Я же возвращался домой примерно в это время! Когда закрыл дверь квартиры, специально посмотрел, который час. Было полдесятого, и еще не стемнело. А через пять минут в нескольких шагах от моей квартиры уже совершали убийство! Просто с ума сойти можно!».

– Молодой человек!

Денис обернулся.

По коридору к нему шел мужчина в коричневом пиджаке, белой рубашке и синих джинсах. Невысокий, плотный, с темными волосами. На висках седина. Глаза сощурены, из-за чего Денис решил, что мужчина страдает близорукостью. Охватившего всех остальных веселья на его лице Денис не увидел.

– Спириин Николай Андреевич, уголовный розыск. – Он пожал Денису руку. – Таблетку от похмелья дать?

Денис нахмурился.

– Не понял?

Спириин усмехнулся.

– Вы себя в зеркало видели? При чем пили вы не водку – от нее сосуды лопаются, а у вас белки нормального цвета. Зачем пришли? Чистосердечное хотите написать?

Спириин снова позволил себе усмешку – она у него вышла усталая и циничная, и казалась несколько вымученной. Может быть, из-за того, что не соответствовала умному и печальному взгляду. Глаза казались запавшими, под ними залегли черные тени. Судя по всему, он не спал уже двое суток.

– Нет. Я по поводу убитой.

– Это которой? У нас их за последнюю неделю было, как собак нерезаных.

– Хрусталевой, – ответил Денис, слегка уязвленный резким тоном Спирина.

– Мать ее уже опознала. С трудом, правда. Девке же руки-ноги отпилили. Но башка на месте. А теперь извините. Мне еще нужно написать отчет о девочке, которую пьяные родители случайно утопили в ванне, когда купали ребенка перед сном. Всего хорошего.

Он направился к железной двери в конце коридора, за которой располагались камеры предварительного заключения. Денис несколько секунд стоял, глядя ему вслед, потом поспешил вслед за ним.

– Я хочу ознакомиться с материалами дела.

Спириин, не глядя на него и не сбавляя шага, пожал плечами.

– А кем ты ей приходился? Братом?

– Нет. Я любил ее. Мы встречались несколько месяцев... – Денис запнулся, понимая, как глупо и невыразительно звучат эти слова. Ну как объяснить этому странному, неприветливому человеку, что Настя для него значила? Какое значение имеет любовь в этом коридоре, в этом здании?

– Я все равно пока ничего не могу сообщить, – ответил Николай Андреевич. – Я вашу девочку к делу еще не пришел.

– К делу? – Денису понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем идет речь. – Значит, Настя не единственная жертва? Это какой-то серийный убийца?

– Ага. Серийные *убийцы*. Их несколько.

– И что же...

– Повторяю еще раз: пока ничего сказать не могу. И вообще вряд ли смогу. Дело серьезное – хотя, должен признаться, только я так думаю, – и касается не только твоей девочки. В сейфе много секретных материалов, о которых даже мои коллеги не знают. Слава, например, не знает. Хотя откуда тебе знать, кто такой Слава.

Они остановились у железной двери. Из коридора за ней доносились пьяные выкрики. В ответ звучала грубая ругань дежурных охранников.

– Я знаю, – пробормотал Денис, глядя на красную после бритья шею капитана. – У него сегодня день рождения. Он в коридоре снимался на мобильный телефон с какой-то девушкой.

– Идиот, – процедил Спириин. – Ладно. К черту его. Суть в том, что...

Мимо них по коридору прошла женщина в форме с погонами старшего лейтенанта. Ее светлые волосы были собраны на затылке в пучок. Серые глаза смотрели ласково и немного насмешливо. Косметики на лице совсем немного. Такое... милое русское лицо. Бросив на Дениса мимолетный любопытный взгляд (эта сотрудница была единственной в отделении, кто обратил на Дениса хоть какое-то внимание, и юноше от этого стало немного легче), женщина поздоровалась с капитаном. Тот, сухо кивнув, снова повернулся к Денису и продолжил:

– Суть в том, – сказал он, – что дело касается не только Анастасии Хрустальной. Понимаешь? Ее смерть, как ни жестоко с моей стороны это говорить – только часть схемы.

– Понимаю. – Денис облизнул губы. – Беда только в том, что это все не схема. И потом, я не прошу показывать мне все материалы дела. Только те, что касаются человека, который для меня много значил.

Сказав это, Денис в ту же секунду осознал, что не вполне искренен. На самом деле его интерес к делу теперь уже не ограничивался эгоистическими соображениями. Ему хотелось *найти* убийц – кем бы они ни были. Хоть демонами преисподней.

Спирин покачал головой.

– Парень, – сказал он, – поверь – тебе вовсе не стоит на это смотреть.

Он повернулся к двери, намереваясь нажать кнопку звонка на стене, чтобы подать охраннику сигнал отпереть дверь изнутри. Денис смотрел на него, на лице появилось выражение отчаяния.

У него остался один-единственный выход. Но стоит ли говорить этому чужому холодному человеку, привыкшему к смерти, о том, что Денис увидел вчера на вечеринке у Димы Котова? Юноша сам не хотел даже вспоминать об этом. Боль, стыд и ярость жгли ему душу. Как, черт побери, *его* Настя могла сняться в такой *дряни*? И главное – когда она успела? И где? Ездил в Москву? И, главное, он сам ничего не замечал. Да они же были вместе чуть не каждый божий день! Настя ни разу не отказалась от встречи, не переносила времени свидания и не отменяла его в последнюю минуту. Если она и вела двойную жизнь, то очень ловко. Денис был уверен, что ее родители, как и он сам, тоже ни о чем не догадывались. И с ним девушка была такой чистой и нежной. Денис и подумать не мог...

Охранник за дверью прозвенел ключами и начал отпирать замок. Спирин сейчас уйдет, оставив его без ответа.

Какие-то доли секунды чаша весов в его сознании перевешивалась то на одну, то на другую сторону. В последний момент, когда дверь уже начала открываться, и Спирин шагнул в образовавшийся проем, юноша выдохнул:

– Вы не понимаете... – Он запылся на мгновение, когда увидел, как при Спирин вздрогнул, замер и напрягся. – Дело не только в убийствах. Тут что-то еще.

Капитан обернулся. Нахмурившись, окинул юношу скептическим взглядом. Но на его лице Денис увидел кое-что новое. Неподдельный интерес. Усталости из-за двух бессонных ночей как не бывало. Впрочем, капитан пытался это скрыть.

– Что ты имеешь в виду?

Сделав над собой усилие, Денис с трудом сказал:

– Вчера мы с Настей должны были встретиться. Но она не пришла на встречу. Я...

– Такое уже случалось раньше? – перебил Спирин.

– Нет, что вы. Конечно, нет. Говорю же, мы любили друг друга. По крайней мере, я так думал, – прибавил Денис, с удивлением услышав злость в своем голосе. – Ну, вот. Она не пришла. Я позвонил всем нашим общим знакомым, думал, кто-то из них знает, где Настя. Никто не знал. Я поехал к ее родителям, Насти и там не было. Тогда я отправился домой. Как провел вечер, не помню... ничего особенного не делал. Ближе к ночи мне позвонил друг из Новгорода, он заехал за мной. Мы поехали к нему на квартиру. И там...

– Вы принимали наркотики, – с легкой насмешкой сказал Спирин, чуть наклонив голову вперед.

– Нет... По крайней мере, я не принимал. И Дима, по-моему тоже.

– Дима – это твой дружок?

– Друг, – поправил Денис.

– Ладно. Расслабься. На мне микрофонов нет, разговор не записывается. Говори все, как было. Ты же хотел рассказать мне что-то важное?

Денис неуверенно оглянулся, провел ладонью по волосам. Приблизившись к капитану вплотную (юноша уловил исходящий от его кожи приятный запах лосьона после бритья), Денис прошептал:

– Мы всей компанией смотрели кино, и Дима поставил фильм для взрослых. И в какой-то момент... в одной из сцен... короче, Настя была там.

– Играла в этом фильме?

– Да. А утром мне позвонила Людмила... это ее мама, и сообщила, что Настю убили.

Денис с облегчением замолк. Капитан задумчиво кивнул. Несколько секунд его лицо оставалось непроницаемым.

– Я дал важную информацию? – спросил Денис.

Впрочем, по реакции Спирина он и так догадался, что: да, более чем. Но капитан при-
творно-равнодушным тоном ответил:

– Пока не знаю. В любом случае, показывать тебе...

Юноша почувствовал нарастающее в груди глухое раздражение. Он слишком много пере-
жил за последние сутки, чтобы уйти несолоно хлебавши.

– Материалы дела вы мне обязаны предъявить по закону.

– Вовсе нет. Ты не близкий родственник.

– Ладно. Это уже не имеет значения. Потому что я не просто хочу знать, как ее убили и так далее. Я хочу знать об этом деле все. Хочу помогать вам в расследовании.

– Каким образом?

– Каким угодно. Я буду делать все, что вы прикажете. Скажете – прыгни с шестого этажа
вниз головой, я прыгну. Я учусь на юрфаке, будем считать, что я прохожу здесь практику.

Капитан потер ладонью подбородок.

– Это не только от меня зависит. Я не могу сразу принять решение. Знаешь, что? Приходи
завтра. Может, чего и придумаем.

Он отвернулся и шагнул в освещенный мертвенно-бледным светом люминесцентной
лампы коридор. Юноша крикнул ему вслед:

– Вы возьмете меня. Я дал вам наводку.

Капитан, не останавливаясь, бросил через плечо:

– Ты лишь подтвердил одну из моих версий. Но и за это спасибо. А пока – до свидания.

Дежурный закрыл за ним дверь, отсекая тусклый свет и пьяные выкрики заключенных.

Не успел Денис ступить за порог своей съемной квартиры, как в кармане джинсов заиг-
рала мелодия. Чертыхнувшись, юноша сбросил ботинки, прошел в спальню и достал телефон.
На дисплее высветился номер Димы.

– Да? – Денис сел на кровать. В спальне царил ужасная духота. Ему хотелось поскорее
принять холодный душ. – Извини, что не ответил сразу. Я только домой пришел.

– Ты что, весь день провел в ментовке?

– Нет. Немного погулял по городу. Мне нужно было подумать.

Пауза. Денис встал, включил вентилятор. В трубке послышался деликатный кашель.

– Ну, ты вообще как? Держишься?

– Как видишь. – Денис подошел к окну, открыл форточку. Ворвавшийся в комнату теплый сухой ветерок не много прибавил к потоку прохладного воздуха, который нагнетал вентилятор.

– Что удалось выяснить?

– Пока ничего. Опер, который ведет дело, отказался со мной разговаривать. Сообщил только, что убийство Насти связано с другими.

– Серийный маньяк?

– Возможно.

Снова неловкое молчание, которое удивило Дениса. Еще вчера он понимал этого человека с полуслова и был готов по первому зову бежать за ним на край света. А теперь не знал, о чем говорить, да и не хотел.

Они еще пять минут вели натянутый разговор о пустяках, после чего Дима пожелал Денису «не загоняться» (а чего ему «загоняться»? всего лишь убили его девушку).

Н.

На следующий день в девять утра он снова сидел на скамейке в коридоре отделения, поджидая Спирина. Рядом с ним сидел парень, чей внешний облик находился в полном соответствии с современной модой: приталенный пиджак из блестящего атласа, расстегнутая на груди белая рубашка, зауженные брюки с ширинкой до колен (к тому же отвисающие на задугу), в которых ноги кажутся кривыми и короткими, а под ними – зеленые кеды на толстой подошве. И плюс к этому – заливающая щеки и подбородок трехдневная щетина и длинные лохмы, закрывающие пол-лица! В общем, сочетание самых несовместимых деталей внешности, апофеоз европейской безвкусицы. Лично Денис не понимал, зачем тратить на тряпки столько денег, чтобы в конце концов выглядеть, как французский клерк.

«Ладно, – одернул себя юноша. – По крайней мере, этот модник не надел под пиджак футболку с принтом и аппликацией. И не нацепил на нос очки в стиле бухгалтера пятидесятых годов».

Но внимание Дениса он привлек вовсе не этим, а тем, что его голова была забинтована, как у раненого красноармейца.

Денис вежливо поинтересовался, что с ним случилось. Парень охотно объяснил, что вчера пошел к подруге на день рождения, и за столом они начали обсуждать «Пятьдесят оттенков серого». Завязался спор, и девушка в самый разгар дискуссии, обозленная тем, что ей не поддакивают, пырнула парня ножом и рассекла ему кожу на затылке.

– Будешь писать на нее заявление? – спросил Денис.

Модный парень изумленно округлил черные бархатные глаза с пушистыми ресницами.

– Как можно? Это не по-мужски!

– А, – ответил Денис. – Ну правильно. Пусть бросается с ножом на любого, кто с ней не согласен.

В конце коридора показался Спирин. От следа вчерашней усталости не осталось и следа. Денис торопливо поднялся, но капитан, бросив ему: «Не сейчас», пригласил в кабинет модника. За дверью около десяти минут слышались их голоса. За это время успели появиться Слава и высокий мужчина в брюках и кожаной куртке. Оба посмотрели на Дениса, как на пустое место, и скрылись за дверью кабинета.

Наконец, парень вышел с какими-то документами в руках и, робко улыбнувшись Денису, направился к выходу. Через минуту открылась дверь. Вышел Слава. Он направился в сторону лестницы на второй этаж. Собравшийся выходить Спирин и высокий мужчина задержались на пороге. Оба улыбались.

– Сейчас стоим на крыльце со Славкой, курим, – рассказывал высокий мужчина. – Дворник рядом асфальт метет. Такой, знаешь, маленький старичок. У него еще волосы торчат, как у пугала.

– Ну? – Лицо капитана светилось ожиданием забавной шутки.

– Короче, этот старикан подходит к нам, хитро так прищуривается и спрашивает: «Это вы здесь курите?». Мы такие: «Ну, допустим». А он и говорит: «Я вчера тут мел, вокруг крыльца окурков набросано. Вас в людей стрелять учат, а вы окурком в урну попасть не можете».

Спирин расхохотался, словно ничего смешнее никогда не слышал. Смеялся он нарочито громко, с какой-то озлобленной веселостью, словно хотел убить окружающих своим смехом.

– Ладно, Палыч, ты лучше вот что скажи: результаты баллистической экспертизы готовы? По делу убийства в солярии?

– Не знаю. Я забыл совсем.

– Замотался, Багиров. Стареешь.

– Ну, Славу пошли.

– Пошлю. Он все равно больше ни на что не годится.

– Слушай, чего ты к нему придираешься? Нормальный парень.

Спирин сощурился.

– Нормальный. Только нам не нормальные нужны. Нам нужны профи.

– Опять за свое. Трындишь одно и то же. Ты со своим максимализмом всех задолбал уже. У нас в Чернозерске никогда ничего не происходит.

– А «Вульгата»?

Мужчина в кожаной куртке закатил глаза.

– Я тебя умоляю! С чего ты взял, что они связаны с похищением детей?

– Такова моя версия. Не хуже любой другой, между прочим.

– Ну давай, создавай проблемы на пустом месте.

– Где ты видишь пустое место? Сам подумай. В две тысячи шестом мы их раскрыли?

Нет. И теперь не получается. Значит, клиенты серьезные, не студентики какие-нибудь. А зачем они начали все сначала? Да потому, что бизнес прибыльный. Жаба душит. А на кино особо не зарабатываешь. Дети продаются в разы дороже, тут миллионы баксов. К тому же, ты сам сказал: у нас ничего не происходит. Значит, если появилась организация, то на ней все повязано: и сауны, и проститутки, и похищения с убийствами.

Высокий мужчина покачал головой.

– Да ну. Гастролеры это.

– Тебе хочется так думать.

– А тебе не хочется?

– Хотелось бы. Да боюсь, все не так.

– А я тебя уверяю, это не статья.

Спирин нахмурился.

– Мы ничего не узнаем, пока не устроим облаву. Я уже не первый месяц уговариваю Кузнецова дать мне организовать оперативный штаб. Но ты же знаешь майора. Он карьерист.

– Знаешь, я тоже карьерист, – нетерпеливо ответил высокий мужчина. – И мне вовсе не хочется все утро обсуждать твои версии. Ты придаешь этому делу такое значение только потому...

– Только потому, что Кирсанов покончил с собой? Из-за меня?

– Я не это имел в виду.

– Нет. Именно это. Я виноват.

– Да ни в чем ты не виноват. – Высокий досадливо поморщился. – Никто не заставлял парня колоть себе героин. Если уж кто и виноват, так это его родители.

Высокий мужчина вышел в коридор. Только теперь он заметил Дениса – тот поднялся и смотрел на обоих полицейских с выражением неуверенной надежды на внимание.

– Здравствуйте. Вы по какому вопросу?

– Это ко мне. – Спирин выступил вперед, пожал Денису руку. Тот сразу перестал чувствовать себя пустым местом.

Высокий мужчина усмехнулся.

– Один из *твоих*?

– Типа того, – ответил Спирин, покосившись на юношу.

Высокий мужчина тоже пожал ему руку.

– Багиров Станислав Павлович.

– Денис.

Багиров хмыкнул.

– Ты уверен, что от него будет толк? Выглядит тормознутым.

Развернувшись, Станислав Павлович направился к лестнице. Денис смущенно смотрел ему вслед.

Спирин хлопнул его по плечу.

– Не бери в голову. Бери в плечи. Пошли в кабинет. Не день же здесь стоять.

Вслед за капитаном Денис шагнул в тесное помещение с выкрашенными в бело-зеленый цвет стенами и потрескавшимся потолком. Напротив двери было забранное частой решеткой окно. На потемневшем от времени подоконнике стояла пепельница, уже успевшая до половины наполниться окурками, вперемешку с газетами и глянцевыми журналами лежало несколько папок, очевидно, с давно позабытыми делами. У окна стоял компьютерный стол. На нем стоял компьютер старой модели.

Справа от двери два рабочих стола. Один принадлежал Багирову, на нем идеальный порядок. Второй, как объяснил Спирин, принадлежал ему самому, и на *этом* столе возвышались горы папок безо всякого порядка.

Когда Багиров со Спириным выходили из кабинета, они выключили свет. Сейчас Спирин снова щелкнул выключателем. Загорелась двойная люминесцентная лампа. Точнее, ее половина: одна из газовых трубок, помигав, приказала долго жить.

– Электрика убить мало, – прокомментировал капитан, с ненавистью глядя на погасшую трубку. – Еще на прошлой неделе вызывали. Он из запоя выйдет когда-нибудь, или нет? Двое детей на шее!

Спирин подошел к своему столу, присел на самый краешек.

– Присаживайся. – Он указал Денису на низенький стул у стены. Денис сел, втиснувшись в узкое пространство между шкафом и столом для «терпил». И сразу почувствовал себя маленьким и незначительным.

Несколько минут Спирин молча смотрел на него. Взгляд капитана был задумчив.

Денис, смущенный этим пристальным взглядом, вертел головой по сторонам, потом начал изучать настенный календарь. На календаре была коза. Коза жевала ромашки и выглядела счастливой.

Не выдержав, Денис перевел взгляд на капитана.

– О чем вы думаете?

Спирин пожевал губами.

– Что мне с тобой делать? Ты ведь действительно помог мне вчера, и я перед тобой в долгу. Решение не зависит от меня одного. Окончательный вердикт – за майором. И то он сначала со следователем поговорит.

– Ну так пойдете к нему. – Денис поднялся и сразу почувствовал себя лучше. – Как я понял из вашего разговора с Багировым, времени нет. Дело плохо продвигается. Верно?

– Не с Багировым, а со Станиславом Павловичем, – поправил с суровой улыбкой капитан. – Если быть до конца честным, оно вообще не продвигается. Пока ты вчера не сообщил мне о том, что видел. Теперь все стало на свои места. Моя версия подтверждается. Я уверен, что доведу дело до конца. Я как раз собирался идти на ковер к Кузнецову, умолять его продлить срок расследования. Заодно обсудим и твой вопрос. Пошли.

«Заодно, – подумал Денис, следуя за капитаном на второй этаж. – Ну, спасибо».

По пути к кабинету начальника они снова встретили женщину в форме старшего лейтенанта. Сегодня она не собрала волосы в пучок, а распустила их по плечам, и выглядела еще симпатичнее. Снова приветствие с ее стороны, улыбка, и ответный сухой кивок Спирина. На Дениса сотрудница взглянула мельком, вчерашнего интереса в глазах уже не было. Наверное, она решила для себя, как и Багиров, что Денис – один из информаторов капитана. Или особенно назойливый «терпила».

Остановившись у двери кабинета, Спирин велел Денису ждать за дверью. Сам, постучавшись, вошел внутрь. Денис около десяти минут слушал доносящиеся из кабинета приглушенные голоса. Разговор, судя по всему, был напряженным.

Потом Спирин пригласил юношу в кабинет.

Майор сидел за столом при полном параде. За его спиной на стене висел громадный портрет президента. На подоконнике в горшках цвели кактусы и диффенбахии.

Глазам Дениса предстал грузный, широкий в плечах и подбородках мужчина лет пятидесяти – то есть, ненамного старше Спирина, – с плоским лицом и покатым лбом. На всем лице и на черепе не было ни малейшей растительности. Кузнецов равнодушно оглядел Дениса с головы до ног, теребя в руках очки.

Юноша ожидал головомойки, но Кузнецов был на диво краток:

– Спирина, парня берешь под свою ответственность. Рапорт будешь писать каждый день. Чтоб волоска с его головы не упало. Все, ребята, свободны. Мне надо в областной суд позвонить.

Как только они снова оказались в кабинете оперативников, Денис спросил:

– Ну что? Он продлил сроки?

Спирин покачал головой.

– Итак, – сказал он. – Настало время кое-что уяснить. Ты будешь делать то, что я скажу – и никакой самодеятельности. Это ясно?

Денис кивнул.

– Следующее. Ты должен понимать, где оказался. Здесь тебе не дом родной и не юридический факультет. Сам я тебя за пивом и сигаретами гонять не буду, но если Багирову или еще кому вздумается сделать из тебя мальчика на побегушках – я мешать не стану. Ты здесь не нужен, никому не интересен. Ничего не знаешь и не умеешь. Никаких предложений, мнений от тебя поступать не должно. Если ты не дополучил в детстве любви и внимания – не жди, что получишь это от меня или еще от кого-то. Все ясно?

– Да, – сказал Денис.

Капитан встряхнулся.

– Эх! – сказал он. – Ладно. Любить – так королеву, воровать – так миллион! Садись, покажу тебе твою принцессу.

Капитан сел за компьютерный стол. Денис взял стульчик для «терпил» и приставил его сбоку. Сел.

Спирин взял папку.

– Сначала краткая предыстория. Девять лет назад в нашем городе появились товарищи, производившие порнографию. Снимали здесь, в Чернозерске. Мы накрыли одну из точек, где они хранили материалы. Десять коробок с видеокассетами, всего около семисот копий. Большая часть тиража уже была распродана через городской рынок и торговые палатки. Организаторов мы так и не взяли.

– А теперь снова объявились?

– Да. Но теперь все немного по-другому. У меня есть команда из десяти человек – таких же желторотых, как и ты. Они просматривают контент для взрослых в Интернете.

– И что они ищут?

– Ролики, снятые здесь, в нашем городе. Может, кто-то увидит знакомое лицо – друга, подругу или родственника. Или узнает помещение, в котором проводилась съемка.

– Есть результаты?

– Нет. Ты – первый местный житель, который увидел знакомое лицо.

– Я не местный. Кварту снимаю. – Денис горько рассмеялся. – Хотел всегда быть рядом с любимой.

Спирин покосился на него.

– В общем, сейчас мы будем искать материалы с твоей подружкой.

Юноша нахмурился.

– Вы думаете, убийство связано...

– Оставим это, – перебил капитан. – Как назывался фильм, который вы смотрели на вечеринке?

Денис, наморщив лоб, с трудом припомнил название. Спирин, услышав его, хмыкнул. Они нашли в Интернете фильм и список актеров к нему. Настя снималась под псевдонимом Natasha XXX.

– Хотела на весь мир прославиться, – прокомментировал Спирин.

Он ввел это имя в строку поиска Google. Получил 1 564 765 результатов.

– Твоя девушка везде, – счел нужным сообщить Спирин, хотя Денис и сам прекрасно все видел. – На всех сайтах. Поздравляю, стажер.

Они просмотрели несколько роликов. Кроме Насти, Денис никого из актеров опознать не мог. Одни ролики были сняты в комнатах, другие – в офисах, но Денису все эти места были незнакомы. Одно он знал точно: это не павильон. Плохое освещение и качество звука выдавали натурную съемку, причем непрофессиональную.

Через два часа они прекратили поиски. Спирин заварил кофе и сам сбегал в киоск за горячими пирожками.

– Ты заметил? – спросил он, подавая Денису сахарницу (они сидели за столом Багирова). – В фильме, где блеснула твоя дама сердца, у всех актеров псевдонимы или англоязычные, или на латинице.

Вошел дежурный. Взглянув на Дениса, как на редкое животное, доложил, что привели свидетеля по делу о краже драгоценностей.

– Направь его к Златогорову, – велел Спирин.

Дежурный, еще раз окинув Дениса подозрительным взглядом, скрылся за дверью.

– Думаете, эти фильмы предназначены для распространения за рубежом?

– Возможно. Скорее всего, в Дании, Германии или Венгрии.

Снова вошел дежурный.

– Извините, Николай Андреевич. Вас Златогоров зовет к себе. Он никак не может прочитать список похищенных ценностей.

– А что? Читать разучился?

Дежурный кашлянул.

– Нет. Не может разобрать ваш почерк. Говорит, это не буквы, а китайские иероглифы.

Спирин встал, усмехнувшись.

– Видишь? – сказал он Денису. – Вот так и боремся с преступностью. Нет, надо мне все-таки на компьютере печатать...

Он вышел.

Денис около десяти минут терпеливо ждал. Капитан не возвращался.

Юноша встал, прошелся по кабинету. Через закрытое решеткой окно поглядел на залившую полуденным светом улицу.

Порылся в делах, которые лежали на столе Спирина. Убийство, убийство, убийство. Изнасилование. Кража. Похищение ребенка.

Внимание молодого человека привлек обтянутый черной кожей блокнот. Покосившись на дверь, Денис взял его. Раскрыл на первой попавшейся странице.

Почерк у капитана, действительно, был малоразборчивый. Он писал резко и быстро, не заботясь о красоте букв. Стиль записей был очень странным.

ПРОКЛЯТИЕ ЖУРНАЛА PLAYBOY. (на заметку: может пригодиться в суде, сказать прокурору).

Определение, выдуманное журналистами, чтобы как-то объяснить цепь трагических смертей «девушек месяца» (playmate), в разные годы снимавшихся для обложки «Плейбоя».

СПИСОК ЖЕРТВ МОДЕЛЬНОГО БИЗНЕСА

1. Мэрилин Монро. Погибла 5 августа 1962 года в возрасте 36 лет в Брентвуде от смертельной дозы снотворного. Труп выглядел ужасно, лицо раздулось и покрылось пятнами.

2. Джейн Мэнсфилд. Погибла в автокатастрофе неподалеку от Нового Орлеана 29 июня 1967 года. Отрезало голову.

3. Тоня Крюс – погибла 7 августа 1966 года.

4. Кэрол Уиллис – погибла в аварии в Лагуна-Бич 6 ноября 1971 года.

5. Клаудия Дженнингс – погибла в автокатастрофе 3 октября 1979 года.

6. Ив Мейер, 27 марта 1977 года. Авиакатастрофа. Два Боинга-747 столкнулись на взлетно-посадочной полосе.

7. Шерил Каберт. Самоубийство. 25 апреля 1989 года.

8. Сью Уильямс. Покончила с собой. 3 сентября 1969 года.

9. Уилли Рэй. Приняла смертельную дозу снотворного 13 августа 1973 года в Ванкувере.

10. Пейдж Янг, свела счета с помощью лошадиной дозы снотворного 13 июля 1974 года.

11. Дебби Бустром. Застрелилась 29 июля 2008 года.

12. Тиффани Слоан. Покончила с собой в ноябре 2008 года.

13. Элиза Бриджес. Передозировка героина. 7 февраля 2002 года.

14. Дженнифер Лин Джексон. 22 января 2010 года. Переборщила с героином.

15. Анна Николь Смит. Ушла из жизни 8 февраля 2007 года. Передозировка анальгетиков и антидепрессантов. На губах и груди застыла ядовито-зеленая пена. Труп почернел. Хоронили в закрытом гробу, так как из-за судебных разбирательств с момента ее смерти до церемонии прощания прошел почти месяц, и тело уже разложилось.

16. Линне Альстрид скончалась 18 января 1967 года от рака, в возрасте 30 лет.

17. Терри Такер, умерла от рака в возрасте 46 лет 16 декабря 1990 года.

18. Конни Крески. Смерть от рака легкого 21 марта 1995 года.

19. Бриджет Ролинс. Умерла от рака 12 февраля 2011 года.

20. Гейл Стэнтон. Скончалась в возрасте 42 лет от непроходимости кишечника 21 ноября 1996 года.

21. Кэти Лармут. Ушла из жизни 4 января 2007 года в результате сердечного приступа. 53 года.

22. Мисси Кливлэнд, 41 год. Трагически погибла из-за халатности врачей. Выписанные ими лекарства дали несовместимые с жизнью побочные эффекты. Дата смерти – 14 августа 2001 года.

23. Стар Сноу. Была задушена за три дня до своего 41-го дня рождения. 16 марта 1997 года. В последние годы жизни промышляла проституцией, страдала наркоманией и алкоголизмом.

24. Дороти Страттен. Изнасилована и убита своим бывшим продюсером и мужем Полом Снайдером 14 августа 1980 года.

25. Фрэн Джерард. 30 мая 1985 года. Причины смерти до сих пор неизвестны.

26. Лэнни Бэлком. Умерла 25 апреля 1991 года. Причины неизвестны.

27. Памела Брайант. 4 декабря 2010 года. Обстоятельства смерти держатся в строжайшем секрете.

Да, воистину, красота ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ!

(на заметку). Средняя продолжительность жизни фотомодели – 55 лет.

Комментарий в Интернете: Ольга, 46 лет, домохозяйка.

Ну и что такого? Все умирают! А эта история только добавляет пикантности и без того «горячему» журналу.

В коридоре послышался голос Спирина – он с кем-то поздоровался. Денис поскорее положил блокнот обратно, примерно так же, как он и лежал, и сел на стул.

Спирин, войдя, бросил на юношу быстрый взгляд.

– Ну что? – Он сел. – Вернемся к нашему разговору. Ты знаешь, что такое Вульгата?

– Так называется перевод Библии, сделанный с греческого языка на латынь. Если точнее – на вульгарный, или народный, диалект латинского языка. Сделал его святой Иероним в пятом веке нашей эры по заданию Вселенского Собора католической церкви. Собственно говоря, вся западная цивилизация читает Библию в переводах именно с Вульгаты. А почему вы спрашиваете?

Спирин взглянул на Дениса с уважением. Впрочем, ирония тоже никуда не делась.

– Неужели у нас еще остались начитанные молодые люди? Итак, Вульгата – это Библия западного мира. Видишь ли, это слово было написано на всех кассетах, которые мы изъяли девять лет назад.

Денис взглянул на капитана округлившимися от изумления глазами.

– Зачем?

Спирин усмехнулся.

– Вот и я задался тем же вопросом. Это слово было отпечатано фотографическим способом со специальных матриц на обложках большей части продукции. На некоторых – с внутренней стороны. Но оно было везде.

– И что это значит? – Честно говоря, Дениса сейчас не очень интересовал этот вопрос. Ему хотелось поскорее узнать, что случилось с Настей.

– Сначала я думал, что это название студии, на которой производят фильмы. Мы все так думали. Но похоже больше на название какой-то секты.

Я собрал сведения о распространителях и покупателях – около сорока человек уже успели купить кассеты. Никто из них не состоял в секте. Почти все были крещеные, но церковь особо не посещали.

– Сатанисты?

– Им такое дело не под силу. Мы бы давно их взяли. Нет. Тут что-то другое. Новое. Я понял это сразу, как только ты сказал, что видел в фильме свою девушку.

– Что вы имеете в виду? Может, объясните наконец?

Спирин подошел к сейфу. Открыл его ключом, достал фотографии. Вернулся за стол. Бросил снимки на стол перед Денисом.

– Вот. Любишься. Надо же тебе с чего-то начинать свою карьеру.

Снимков было пять. Труп Насти: сверху, слева, справа, лицо крупным планом. Пятый снимок – отрубленные руки и ноги, лежат в углу.

– Блядь... – пробормотал Денис.

Труп лежал на анатомическом столе, установленном в полутемной комнате. Настя была прикована к нему цепями. Денис заметил, что горло перерезано. Грудь и шея были черными от запекшейся крови.

– Смерть наступила вчера, примерно в полдесятого вечера. – Спирин сухо улыбнулся. – Думаю, ты в это время как раз развлекался на вечеринке. Бензопилой ей отрезали все конечности, а потом перерезали горло. Ножом, конечно, а не бензопилой.

Денис отложил снимки. Потряс головой.

– Не понял. Как вы нашли ее? Людмила не подавала заявление о пропаже.

– Да мы бы и не приняли его. Девочки не было меньше двух суток. Мы обнаружили тело случайно.

– Случайно?

Спирин откинулся на спинку стула, закурил. Денис молча встал, взял с подоконника пепельницу, поставил перед капитаном. Тот поблагодарил кивком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.